

Глава XXII

Письмо от Карла Стоуна неожиданно поменяло мои планы относительно изучения медицины. «Когда ты отплывала в Европу, — писал он, — я думал, предполагается, что ты должна поехать в Швейцарию изучать медицину. Только на это мы с Германом предложили тебе содержание. Теперь я узнаю, что ты по-прежнему занимаешься пропагандой и живёшь с новым любовником. Разумеется, не рассчитывай, что мы будем поддерживать что-то из вышеперечисленного. Меня Э. Г. интересует только как женщина, её идеи для меня ничего не значат. Пожалуйста, выбирай». Я сразу же ответила: «Э. Г. как женщина и её идеи неразделимы. Она существует не для развлечения выскочек и не позволяет никому диктовать ей условия. Оставьте свои деньги себе».

Я не могла поверить, что Герман Миллер имеет отношение к этому письму. Я была уверена, что вскоре получу от него вести. Из суммы, которую он мне выдал, у меня ещё оставалось достаточно денег, которых должно было хватить на несколько месяцев. Двести долларов, полученные от Стоуна, я передала Эрику на траты в связи с разработкой туннеля. Я испытала чувство облегчения от того, что вопрос был закрыт. Когда жалование закончилось, и я не получила ни слова от Германа, то сделала вывод, что он тоже изменил своё решение. Я расстроилась, но вместе с тем была рада больше не зависеть от обеспеченных людей. В конце концов Чайковский был прав: нельзя посвятить себя идеалу и профессии одновременно. Я вернусь в Америку и займусь своей работой.

Однажды вечером, когда мы с Ипполитом собирались пойти на важное заседание комитета, горничная передала мне визитную карточку. Я пришла в неописуемый восторг, увидев на ней имя Оскара Паниццы, чьи талантливые статьи в *Armer Teufel* вдохновляли меня годами. Через минуту в комнату вошёл высокий, тёмный мужчина и представился Паниццей. Он узнал от доктора Юджина Шмидта о том, что я в Париже, и хотел «познакомиться с Кассандрой, подругой нашего дорогого Роберта». Он пригласил меня провести вечер с ним и доктором Шмидтом. «Сначала мы идём к Оскару Уайльду, — сказал он, — и хотим, чтобы ты пошла с нами. Потом поужинаем».

Какое прекрасное событие — познакомиться с Паниццей и Уайльдом в один вечер! Находясь в предвкушении, я постучала в дверь Ипполита, чтобы ему всё рассказать. Я застала его расхаживающим по комнате; он был раздражён и ждал меня. «Только не говори, что ты не идёшь на заседание! — гневно закричал он. — Ты пообещала, тебя ждут, ты взяла на себе обязательства! Ты можешь встретиться с Оскаром Уайльдом и Паниццей в другой раз. Почему обязательно сегодня?» Из-за перевозбуждения я совсем забыла о заседании. Конечно, я не могу не пойти. С тяжёлым сердцем спустилась сказать Паницце, что не смогу никуда пойти этим вечером. Можем мы встретиться завтра или послезавтра? Мы договорились на следующую субботу, в обед. Он снова пригласит доктора Шмидта, но не обещает ничего насчёт Оскара Уайльда. Тот был сильно болен и не всегда мог выйти из дома, но Паницца постарается организовать встречу.

В пятницу доктор Шмидт зашёл сказать, что Паницца неожиданно уехал, но скоро должен вернуться в Париж и тогда сможет со мной увидеться. Доктор, должно быть, заметил, что на моём лице отразилось разочарование. «На улице прекрасная погода, — сказал он, — пойдёмте на прогулку». Я была благодарна, но сильно жалела о том, что упустила такую редкую возможность познакомиться с Оскаром Уайльдом и провести вечер с Паниццей.

Во время прогулки по Люксембургу я рассказала доктору о негодовании, которое испытывала по поводу заключения Оскара Уайльда¹¹¹. Я защищала его дело перед жалкими лицемерами, которые послали его на смерть. «Ты! — удивлённо воскликнул доктор. — Как! Ты же тогда была ещё совсем молодой. Как ты осмелилась выступить на публике в защиту Оскара Уайльда в пуританской Америке?» «Чепуха! — ответила я. — Не нужно отваги для того, чтобы протестовать против великой несправедливости». Доктор неоднозначно улыбнулся. «Несправедливость? — повторил он. — Это было не совсем так с точки зрения закона, хотя могло быть так с точки зрения психологии». Остаток вечера мы провели, горячо споря по поводу гомосексуализма, извращения и вопроса сексуальной ориентации. Доктор много размышлял на эти темы, но был ограничен в своём подходе, и я подозревала, что его немного возмущал факт того, что я, молодая женщина, могу говорить без обиняков на такие запретные темы.

Вернувшись в отель, я застала Ипполита в очень мрачном состоянии. Почему-то меня это раздражало больше чем обычно. Не сказав ни слова, я ушла в свою комнату. На столе лежала стопка писем; одно из них заставило мой пульс участиться. Оно было от Макса. Он писал, что они с Пак были в Париже. Они приехали прошлой ночью, и им не терпелось увидеться со мной. Я побежала к Ипполиту, размахивая письмом и крича: «Макс в городе! Подумай только — Макс!» Он уставился на меня, как будто я сошла с ума. «Макс? Какой Макс?» — безучастно спросил он. «Какой-какой, Макс Багинский! Какой ещё Макс может столько для меня значить?» Как только я это сказала, я поняла свою бестактность. Но, к моему удивлению, Ипполит воскликнул: «Макс Багинский! Вот так да! Я всё о нём знаю и давно хотел с ним познакомиться. Я рад, что он здесь». Никогда я не слышала, чтобы мой угрюмый Putzi¹¹², как я его называла, выражал такой явный интерес к представителю своего пола. Обняв Ипполита за шею, я воскликнула: «Пойдём к Максиму прямо сейчас!» Он прижал меня к себе и пристально посмотрел в глаза. «Что такое?» — спросила я. «Ничего, просто хотел ещё раз убедиться, что ты меня любишь, — ответил он. — Если бы я мог быть в этом уверен, мне больше ничего на свете не было бы нужно». «Глупый мальчик, — сказала я, — конечно, ты можешь быть в этом уверен». Он отказался пойти со мной на встречу к Максиму и Пак; он хотел, чтобы сначала с ним увиделась я. Потом он к нам присоединится.

По дороге в моей памяти всплывали прекрасные мгновения, проведённые с Максом. Казалось невероятным, что прошёл год. Я даже вновь испытала потрясение от известия о его отъезде в Европу без меня. Много всего случилось за этот год и помогло мне пережить тот удар, но сейчас он сразил меня с новой силой. «Зачем встречаться с Максом, зачем начинать всё сначала?» — горько спрашивала я себя. Он обо мне не беспокоился, раз смог так просто меня бросить. Я не готова пройти через те же мучения снова. Я напишу ему записку, что нам лучше больше не видеться. Я зашла в кафе, попросила ручку и бумагу и принялась писать. Я начинала несколько раз, но не могла сформулировать мысль. Меня мучила возрастающая тревога. В итоге я расплатилась с официантом и почти побежала по

направлению к отелю, где остановился Макс.

Как только я увидела его милое лицо, услышала его весёлое приветствие: «Ну, моя малышка, неужели мы встретились в Париже!» — моё отношение сразу же изменилось. Сладкая нежность его голоса растворила обиду и успокоила бурю внутри меня. Пак тоже приветствовала меня очень тепло. Она выглядела лучше и бодрее, чем в Чикаго. Вскоре мы втроём отправились ко мне в отель за Ипполитом. Вечер, проведённый вместе и продлившийся до трёх утра, получился весёлым праздником, достойным парижского духа. Особенно радостным для меня было видеть влияние, которое Макс оказал на Ипполита. Последний перестал тосковать, стал более разговорчивым и меньше возмущался по поводу других мужчин.

Некоторые документы, которые мне передали, чтобы я зачитала их на съезде, касались важности обсуждения проблемы полов в анархистской прессе и лекциях. Газета Кейт Остин была посвящена этой теме, она описывала историю американского движения за свободу любви. Кейт не подбирала слова: прямо и открыто она излагала свои взгляды на секс как на жизненно важный фактор. Виктор уверял меня, что некоторые товарищи не позволят, чтобы газету Кейт зачитали на съезде и определённо не станут её обсуждать. Я не могла этому поверить. Французы! Виктор объяснил, что не быть пуританином — не значит быть свободным. «Французы не разделяют такого серьёзного отношения к сексу, как идеалисты в Америке, — сказал он. — Они относятся к нему цинично и не могут рассматривать никак, кроме как в качестве формы физических отношений. Наши старшие французские товарищи всегда ненавидели подобное отношение, и в знак протеста они побороли пуритан. Сейчас они боятся, что обсуждение секса будет способствовать лишь неправильному пониманию анархизма». Это меня не убедило, но через неделю Виктор рассказал, что одна группа определённо решила не допустить, чтобы американские доклады на тему секса были зачитаны на съезде. Их можно будет обсудить на неофициальных собраниях, но не на публичных митингах, где собиралась присутствовать пресса.

Я запротестовала и заявила, что сейчас же свяжусь с товарищами в Соединённых Штатах и попрошу их освободить меня от обязанностей и заданий, которые они на меня возложили. Понимая, что этот вопрос является только одним из многочисленных тем, которых касается анархизм, я тем не менее не могла участвовать в съезде, на котором намеревались игнорировать мнение или запретить выражать взгляды, которые не заслуживали одобрения определённых людей.

Однажды, сидя в кафе с Максом и Виктором, я прочитала в газетах об убийстве анархистом короля Умберто I. Имя совершившего покушение было Гаэтано Бреши.

Гаэтано Бреши

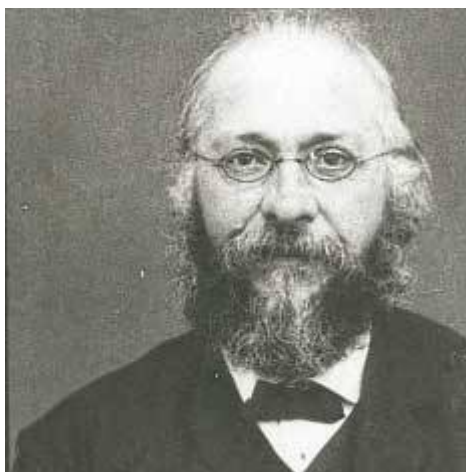
Я помнила, что так звали одного активного товарища в анархистской группе в Патерсоне, штат Нью-Джерси. Мне показалось странным, что он мог совершить такое; он произвёл на меня впечатление, сильно отличавшееся от тех, что оставляли другие итальянские анархисты, с которыми я была знакома. У него был совсем не взрывной характер и его непросто было разозлить. Я удивлялась, что могло заставить его лишиться жизни короля Италии. Виктор назвал в качестве возможной причины поступка Бреши продолжительные голодные бунты в Милане в 1898 году. Тогда многие голодающие и безоружные рабочие погибли в результате нападения солдат. Люди шли к дворцу, окружённые значительным количеством военных под командованием генерала Бава-Бекариса. Рабочие не послушали приказа разойтись, и тогда генерал подал сигнал, приведший к убийству демонстрантов. Король Умберто похвалил Бекариса за его «храбрую защиту королевского дворца», наградив медалью за эту смертоносную работу.

Макс и Виктор согласились со мной, что те трагические события, должно быть, вынудили Бреши проделать длинный путь из Америки, чтобы сделать своё дело. Макс считал, что мне повезло, что я не в Штатах, иначе меня бы посчитали в какой-то мере ответственной за смерть Умберто, как это неизбежно случалось раньше, всякий раз, когда в мире совершался любой политический акт насилия. Я больше волновалась не об этом, а о судьбе, которая ожидала Бреши. Я знала, какие пытки предстоят ему в тюрьме, и вспомнила ужасное отношение к Лукени — такой же жертве беспощадной социальной борьбы.

Какое-то время мы ещё сидели в кафе, обсуждая невероятные человеческие потери, которые влекла за собой ужасная война классов во всех странах. Я также поделилась с друзьями сомнениями, которые не покидали меня со времён Сашиного поступка, хотя я полностью осознавала неизбежность подобных насильственных действий, обусловленных текущими положением.

Вскоре после этого я узнала от Виктора, что в Париже пройдёт съезд неомальтузианцев¹¹³. Их заседания придётся проводить тайно, поскольку французское правительство запрещало любые организованные попытки ограничить деторождение. Доктор Дрисдейл, один из родоначальников движения по ограничению рождаемости, и его сестра были уже в Париже, а другие делегаты прибывали из разных стран. Виктор объяснил, что во Франции, по большому счёту, только Поль Робен и Мадлен Верне поддерживали неомальтузианское движение.

Я знала Мадлен Верне, но кто такой Поль Робен? Мой друг рассказал, что Робен был одним из величайших либертариёв в вопросе образования. На свои средства он купил большой кусок земли, где основал школу для беспризорных детей. Сампюи, так называлось это место. Робен забирал бездомных детей с улицы или из сиротских приютов, беднейших и так называемых трудных подростков. «Видела бы ты их сейчас! — сказал Виктор. — Школа Робена — это живой пример того, каких результатов в образовании можно достичь, создав благоприятную среду понимания и любви к ребёнку». Он пообещал предоставить мне возможность посетить неомальтузианский съезд и побывать в Сампюи.

Поль Робен

Людей на неомальтузианском съезде было очень мало, не больше десятка делегатов; им приходилось встречаться тайно, каждый раз в новом месте. Но то, чего не доставало из-за

количества участников, с лихвой покрывалось живым интересом. Доктор Дрисдейл, почтенный сторонник ограничения роста семьи, был полон энтузиазма по этому вопросу. Мисс Дрисдейл, его сестра, Поль Робен и их коллеги были достойны восхищения за простоту и серьёзность, с которой они представляли тему, а также за храбрость при демонстрации профилактических методов. Я поражалась их способности обсуждать этот деликатный вопрос так открыто, избегая любых оскорблений. Я думала о своих бывших пациентках с Ист-Сайда и о том, каким благословением для них стали бы противозачаточные средства, которые описывались на заседаниях. Делегаты удивились, когда я рассказала им о своих напрасных попытках в роли акушерки найти способ помочь бедным женщинам в Штатах. Они считали, что, пока Энтони Комсток заведует американской моралью, потребуются годы, прежде чем методы предохранения от зачатия можно будет открыто обсуждать в этой стране. Я заметила, что даже во Франции им приходится встречаться тайно, и уверила их, что знаю много людей в Америке, достаточно смелых, чтобы делать полезную работу, даже если она запрещена. В любом случае я решила заняться этим вопросом по возвращении в Нью-Йорк. Делегаты похвалили меня за убеждения и снабдили литературой и противозачаточными средствами для будущей работы.

Мои деньги быстро уходили, но мы всё же не могли отказаться от удовольствия посещения театров и музеев и наслаждения музыкой. Концерты в Трокадеро были особенно интересными, например, выступление финского оркестра, включавшее народные песни в исполнении замечательных артистов с мадам Айно Акте, примадонной парижской оперы, в качестве солистки. Русский оркестр балалаек, представления Вагнера и сольный концерт Изаи, мастера скрипки, были редким наслаждением. Нашим любимым местом был Свободный Театр под управлением Антуана: это было единственное стоящее театральное начинание в Париже. За исключением Сары Бернар, Коклинов и мадам Режан, парижская сцена поразила меня своей напыщенностью. По сравнению с Элеонорой Дузе даже «Божественная Сара» казалась искусственной. Единственная пьеса, где она была собой, — «Сирано де Бержерак», где Коклин играл Сирано для своей Роксаны. В труппе под управлением Антуана не было звёзд сцены; их слаженное исполнение было на высоте.

Находясь в Европе, я не могла напрямую связываться с Сашей. Наши письма шли через друга, что вызывало длительные задержки. Саше разрешали писать только одно письмо в месяц, в редких случаях благодаря дружбе с тюремным священником ему позволяли написать ещё одно письмо. Чтобы поддерживать связь с большим количеством людей, Саша разработал схему разделения своего листа на четыре, пять или даже шесть отдельных частей; каждая была исписана мелким, но чётким, как гравировка, почерком с обеих сторон. Получатель его письма на воле разрезал лист в соответствии с пометками и затем рассылал отдельные части куда полагается. Его последняя записка мне была весёлой, даже шуточной. Он просил привезти сувенир с Выставки и детальный отчёт о том, что происходит в Париже. Но это было больше двух месяцев назад, и с тех пор ничего не приходило. Эрик тоже писал редко, только одну-две строчки об «изобретении», которое, видимо, продвигалось вперёд медленно. Я начинала волноваться. Макс и Ипполит пытались развеять мои страхи и дурные предчувствия, но было очевидно, что они тоже переживали.

Однажды рано утром меня разбудил громкий стук Ипполита в мою дверь. Он вошёл, взволнованный, с французской газетой в руке. Он пытался что-то сказать, губы шевелились, но ему не удавалось промолвить ни слова. «Что случилось? — закричала я, инстинктивно испытывая страх. — Почему ты не говоришь?» «Туннель, туннель! — глухо прошептал он. — Его обнаружили. Написано в газете».

С замирающим сердцем я думала о Саше, его ужасном разочаровании из-за неудачи проекта, катастрофических последствиях, о его отчаянном положении. Саша вновь отброшен в мрачную безнадежность ещё одиннадцати лет в этом аду. Что теперь будет? Что будет? Я должна сейчас же вернуться в Америку. Мне не стоило уезжать! Я подвела Сашу, я чувствовала это; я оставила его, когда была ему нужна больше всего. Да, я должна вернуться в Америку как можно скорее.

Но тем же вечером меня остановила телеграмма от Эрика Мортон. «Внезапная болезнь. Работа приостановлена. Плыву во Францию», — говорилось в сообщении. Мне нужно было дождаться его приезда.

Я бы не вынесла нервного напряжения следующих дней, если бы не большое количество работы, которую мне нужно было делать. Эрик приехал через две недели. Я его едва узнала: он ужасно изменился с тех пор, как мы виделись в Питтсбурге. Большой, сильный викинг очень похудел, лицо было пепельно-серым и покрылось гнойниками.

Эрик рассказал, что как только Тони наконец связался с ним, то он сразу поехал в Питтсбург, чтобы уладить предварительные приготовления. С самого начала Тони произвёл на него не самое приятное впечатление. Тони казался помешанным на своей значимости для той части проекта, которая была ему поручена. Саша разработал специальный шифр для подпольного общения, и Тони, являясь единственным человеком, способным прочесть его, использовал ситуацию, давая собственные указания. Не являясь механиком, Тони слабо представлял себе трудности, связанные со строительством туннеля, и опасность, вызванную его прокладкой. Дом, который они сняли на Стерлинг-стрит, стоял почти прямо напротив главных ворот тюрьмы на расстоянии в двести футов. Туннель нужно было копать из подвала дома по немного окружной траектории по направлению к южным воротам, затем под ними и далее по тюремному двору к сараю, который Саша указал на своём чертеже. Саше было нужно как-то выбраться из камерного блока, дойти до сарая незамеченным, выломать доски в полу и, открыв туннель, проползти до подвала дома. Там он должен был найти гражданскую одежду, деньги и зашифрованные указания, где встретиться со своими друзьями. Но работа над туннелем требовала больше времени и денег, чем ожидалось. Эрик и другие товарищи, которые работали в туннеле, столкнулись с неожиданными трудностями в виде каменного образования в почве в районе тюремной стены. Они посчитали необходимым копать под этими образованиями, тогда Эрик и его работники чуть не задохнулись от ядовитых паров, попавших в туннель из непонятого источника. Эта непредвиденная проблема вызвала значительную задержку и потребовала установки механизма, поставляющего свежий воздух мужчинам, упорно трудящимся в лежащем положении в узком проходе глубоко в недрах земли. Звуки копания могли привлечь внимание бдительных охранников на тюремной стене, и Эрик придумал арендовать пианино и позвал на помощь свою подругу Кинселлу, прекрасную исполнительницу. Её пение и игра

заглушали звуки снизу, а охранники на стене наслаждались превосходным исполнением Кинселлы.

«Изобретение» было очень хитроумной, но опасной затеей, требующей значительных инженерных умений и чрезвычайной осторожности, чтобы избежать малейших подозрений со стороны тюремной охраны и прохожих на улице. При появлении опасности пианистка нажимала на электрическую кнопку рядом с собой, чтобы оповестить копателей под землёй, что следует немедленно прекратить свою работу. Они сидели тихо до тех пор, пока она снова не начинала играть. Отрывистая игра на пианино была сигналом того, что всё хорошо. «Копать в таких условиях было нелегко, — продолжал Эрик. — Чтобы сберечь время и деньги, мы решили сделать туннель очень узким, достаточным, чтобы один человек мог через него проползти. Поэтому мы не могли работать даже на коленях. Нам приходилось лежать на животе и бурить одной рукой. Это так утомляло, что было невозможно работать больше получаса за один подход. Естественно, мы медленно продвигались вперёд. Но больше всего раздражало то, что Тони постоянно перепрыгивал с одной идеи на другую. Мы хотели чётко придерживаться Сашиного плана. Саша на этом делал упор, и мы понимали, что ему лучше знать. Но Тони отстаивал свою точку зрения. Саша, очевидно, считал слишком опасным давать нам указания даже в подпольных письмах, он зашифровал их, и никто, кроме Тони, не мог их прочитать. Поэтому нам пришлось получать инструкции от Тони. В конце концов туннель был закончен».

«И что дальше, что дальше?» — закричала я, не в состоянии больше себя сдерживать.

«Подожди, тебе никто не написал? — удивлённо спросил Эрик. — Когда Саша пытался совершить побег через дыру во дворе тюрьмы, где оканчивался туннель, согласно указаниям Тони, она оказалась закрыта горой кирпичей и камней. Там строили новое тюремное здание и вывалили целую повозку камня прямо в то место, которое Тони выбрал в качестве конца туннеля. Можешь себе представить, как Саша, должно быть, чувствовал себя после этого и какой опасности он подвергался, убежав из камерного блока да ещё потом вернувшись туда. Самое ужасное, как мы позже узнали, то, что Саша неоднократно предупреждал Тони, что туннель не должен заканчиваться посреди тюремного двора, как Тони ему предлагал. Саша был категорически против, зная, что это может привести к неудаче. Его изначальный план предусматривал, что туннель закончится в обособленном сарае, стоящем на расстоянии около двадцати футов от той дыры. Убеждённые, что мы докопали туннель до точки, о которой говорил Саша, и что наша работа закончена, мы уехали в Нью-Йорк, и только Тони остался в Питтсбурге. Саша ужаснулся самовольным изменениям своих указаний со стороны Тони. Он настоял, чтобы мы продолжили копать дальше, до сарая, в соответствии с его чертежом. Тони наконец осознал роковые последствия своего бешеного упрямства. Он сообщил Саше, что его пожелания будут выполнены, и сразу же уехал в Нью-Йорк, чтобы попросить нас найти ещё денег на окончание туннеля. Наш дом напротив тюрьмы остался пустым. Пока Тони отсутствовал, дети, играя на улице, каким-то образом попали в подвал, обнаружили секретный ход и рассказали о нём родителями, один из которых оказался доверенным лицом домовладельца. По стечению обстоятельств он также оказался охранником в Западной тюрьме».

Я сидела молча, раздавленная мыслью о том, через что пришлось пройти Саше за все эти недели и месяцы напряжения и волнительного ожидания окончания работы над туннелем, и всё это закончилось тем, что его надежды разрушились, когда свобода была так близко.

«Самое забавное, — продолжал Эрик, — что до сих пор тюремная администрация не смогла выяснить, кому предназначался туннель. Полицейские отделения Питтсбурга и Аллегени, а также государственные чиновники пришли к выводу, что этот туннель был одним из самых продуманных инженерных проектов, которые им приходилось видеть. Смотритель и Совет тюремных инспекторов подозревают Сашу, но они не могут найти доказательств, чтобы поддержать свои обвинения, в то время как полиция утверждает, что туннель готовился для некоего Бойда, известного фальшивомонетчика, который отбывает длительный срок. Никаких улик не было обнаружено, но тем не менее они посадили Сашу в одиночку».

«В одиночку! — закричала я. — Немудрено, что я от него ничего не получала так долго!»
«Да, его очень сурово наказали», — признал Эрик. Мысль о мучениях, которые Саша уже пережил, мрачных годах, которые ещё впереди, пронеслась в моей голове. «Они его убьют!» — простонала я. Я знала, что его убивают потихоньку, частичку за частичкой, дюйм за дюймом, а я сижу в Париже и не могу ему помочь никак, никак! «Лучше бы я тысячу раз отсидела в тюрьме, чем находиться здесь и беспомощно наблюдать, как они убивают Сашу!» — воскликнула я. «Это Саше бы не помогло, — резко возразил Эрик. — На самом деле ему бы стало только тяжелее. Тяжелее вынести своё наказание. Ты должна это понимать, так зачем терзать себя?»

Зачем? Могла ли я объяснить, что значили для меня все эти годы, с того самого чёрного дня в июле 1892 года? Жизнь неумолима, она не позволяет остановиться ни на минуту. Моя жизнь была переполнена событиями, быстро сменяющимися друг друга. У меня было мало времени на то, чтобы погрузиться в размышления о прошлом, но оно въелось в моё сознание, и ничто не могло успокоить эти терзания. Но жизнь продолжалась. Перерывов не было.

Эрик едва держался на ногах. Он был полностью истощён работой в туннеле; ядовитые газы вызвали заражение крови и серьёзную кожную болезнь. Его состояние настолько ухудшилось, что его пришлось уложить в постель, и я выхаживала его несколько недель. Но этот милый человек, истинный викинг, продолжал смеяться и шутить и ни разу не высказал слов сожаления или недовольства рискованными сложностями, которые он пережил в безуспешной затее помочь Саше сбежать.

Наш запланированный съезд не случился. В последний момент власти запретили публичное собрание иностранных анархистов. Тем не менее мы провели несколько заседаний в частных домах в пригороде Парижа. В таких условиях и ввиду необходимой секретности наших дискуссий мы успели обсудить только самые срочные вопросы.

Присутствие Эрика вызывало дополнительные траты, и я считала, что необходимо заработать немного денег. Он проделал нелёгкий путь, и теперь у него не было ни цента. Несколько друзей жили со мной в одном отеле, и я решила готовить им завтрак и обед. Требовалось много усилий, чтобы стряпать на двенадцать или больше человек на одной

спиртовой горелке. Ипполит мне сильно помогал, поскольку лучше меня смыслил в привлечении клиентов, а также был первоклассным поваром. Нашими заказчиками были иностранные товарищи, которых полностью удовлетворяла еда, которую мы подавали. Так мы смогли заработать немного денег, хотя, конечно, этого было недостаточно. Мы с Ипполитом ухитрились водить небольшие группы на Выставку. У меня неплохо получалось, хотя было довольно скучно сопровождать глупых американцев. Один парень, увидев статую Вольтера, потребовал рассказать, кто «этот мужик» и чем он занимался. Несколько школьных учителей, которых мне порекомендовал друг, чуть не упали в обморок, когда увидели голые статуи в Люксембурге. Я возвращалась домой, чувствуя отвращение к роли экскурсовода.

Однажды я вернулась в отель, решительно настроенная никогда больше не работать гидом для любителей достопримечательностей, разве что это будет очень известное место. В комнате я нашла огромный букет цветов и записку. Почерк был незнакомый, содержание озадачило: «Поклонник с большим стажем приглашает присоединиться к нему для приятного вечера. Встретитесь с ним сегодня в „Кафе дю Шатле“? Можете взять с собой друга». Мне было интересно, кто же этот мужчина.

«Поклонником с большим стажем» оказался не кто иной как Эрик. С ним были ещё три товарища из Америки. «Что такое? — одновременно спросили мы с Ипполитом. — Ты что, открыл золотое месторождение?» «Не совсем, — ответил Эрик. — Моя бабушка, которая умерла несколько месяцев назад, оставила мне наследство в семьсот франков, которые я сегодня получил. Сегодня же мы их все спустим». «Ты разве не хочешь вернуться в Америку?» — спросила я. «Конечно, хочу». «Тогда давай я придержу половину твоего наследства тебе на обратный билет, — предложила я. — Остальное я с удовольствием помогу спустить». Смеясь, он передал мне на хранение триста пятьдесят франков.

Мы ели, пили и радовались. Все были навеселе, но ещё стояли на ногах, когда в два часа ночи мы оказались в Rat Mort¹¹⁴, знаменитом кабаре на Монмартре, где Эрик заказал шампанское. Напротив нас сидела очень красивая француженка, и Эрик спросил, может ли он пригласить её за наш столик. «Конечно, — сказала я. — Являясь единственной женщиной в компании пяти мужчин, я могу позволить себе быть великодушной». Девушка под села к нам; вскоре она уже танцевала с парнями. Наш викинг, необычайно грациозный, несмотря на свои двести фунтов, танцевал легко, словно бабочка. В конце этого захватывающего вечера мы подняли бокалы за Э. Г., и я выпила свой до дна. Внезапно у меня в глазах потемнело.

Я очнулась в своей комнате с ужасной головной болью, чувствуя себя смертельно больной. Француженка из кабаре сидела возле моей постели. «Что случилось?» — требовательно спросила я. «Rien du tout, chérie¹¹⁵; тебе немного нездоровилось прошлой ночью», — ответила она. Я попросила её позвать моих друзей, и вскоре вошли Эрик и Ипполит. «У меня ощущение, будто меня отравили», — сказала я. «Не совсем, — возразил Эрик, — но один из парней влил в твою рюмку коньяка шампанское». «А потом?» «Потом нам пришлось нести тебя вниз. Мы остановили извозчика, но не могли тебя увезти. Ты уселась на тротуар и кричала, что ты, Эмма Гольдман, анархистка, протестуешь против принуждения. Нам пришлось впятером затаскивать тебя в повозку». Я была ошарашена тем, что ничего не

помню о случившемся.

«Мы все не очень хорошо стояли на ногах, — продолжал Эрик, — но быстро протрезвели, увидев, в каком ты состоянии». «А девушка, как она здесь оказалась?» — спросила я. «Она просто не могла позволить, чтобы мы тебя увели, и тоже вызвалась сопровождать тебя. Она, должно быть, думала, что мы бандиты, намеревающиеся ограбить тебя. Она настояла на том, чтобы пойти с нами». «Но эта бедная девушка потеряла свой заработок за ночь», — возмутилась я.

Ипполит положил двадцать франков в конверт и отослал девушку домой на повозке. Вечером она опять приехала ко мне. «Зачем вы меня оскорбляете? — кричала она, почти плача. — Вы думаете, что у девушки, которая зарабатывает на жизнь на улице, нет чувств? Что она будет брать деньги за помощь другу в беде? Да, уход за больными не моя профессия, и мне за это не нужно платить». Я протянула ей свою руку и притянула девушку к себе. Меня до слёз тронули красота этой маленькой женщины и её прекрасная нежная душа.

Вдохновляющая атмосфера нашего движения в Париже и другие восхитительные впечатления от города зазывали меня остаться здесь подольше. Но пришло время уезжать. Наши деньги почти закончились. Кроме того, сыщики уже были в отеле в поисках информации о мадам Брейди. То, что полиция ещё не постановила выдворить меня из страны, было просто чудом. Виктор Дав предположил, что это из-за Выставки: власти хотели избежать ненужной публичности, связанной с иностранцами. Ранним утром, мрачным и дождливым, Эрик, Ипполит и я поехали на железнодорожный вокзал. За нами следовали несколько секретных агентов в повозке и один на велосипеде. Они нам помахали на прощание, когда поезд тронулся, но одного из них мы обнаружили в отделении рядом с нашим купе. Он провёл нас до Булони и уехал, только когда мы сели на пароход.

Только благодаря подарку, который мне выслала дорогая подруга Анна Стирлинг, мы смогли оплатить счёт в отеле и билеты, после чего у нас ещё осталось почти пятнадцать долларов. Этого должно было хватить на чаевые и другие расходы в течение поездки. Я знала, что могу занять немного денег в Нью-Йорке, а Эрик сказал, что, когда будет нужно, он телеграфирует в Чикаго с просьбой о средствах.

Когда пароход находился в пути уже несколько часов, Ипполита стало укачивать, и с ускорением хода ему становилось всё хуже. На третий день ему стало так плохо, что доктор приказал пить ледяное шампанское. Ипполит выглядел таким жёлтым и тощим, что я боялась, вдруг он не дотянет до конца поездки. Эрик наоборот стал очень прожорливым. Три раза в день он заказывал все блюда из меню от начала до конца. «Не заставляй официанта так трудиться! — умоляла я. — У нас нет столько денег на чаевые». Но он продолжал есть. Он был прирождённым моряком, любил открытую воду и становился веселее и голоднее с каждым днём. К концу поездки у меня осталось лишь два с половиной доллара, которые я поделила на стюардов и стюардесс, которые обслуживали нас с Ипполитом. Нашему викингу пришлось самому расхлёбывать дело. Храбрый малый, который месяцами жил в постоянной опасности обрушения туннеля, теперь дрогнул перед работниками судна. Он даже прятался. Стюард из столовой был неумолим и преследовал

